

УТОПИЯ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию: 10.12.2022

В окончательном варианте: 25.12.2022

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Утопия как форма общественного сознания: проблема демаркации // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 11–20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.2>

Аннотация. На основе типологического подхода обоснована интерпретация утопии как самостоятельной формы общественного сознания. По мировоззренческому статусу утопия сравнима с искусством, мифологией, наукой, религией и философией. В типологии форм общественного сознания утопия идентифицируется как внешняя рефлексия права («юридическое мировоззрение»).

Ключевые слова: утопия; утопизм; утопическое сознание; общественное сознание; юридическое мировоззрение.

UTOPIA AS A FORM OF SOCIAL CONSCIOUSNESS: THE PROBLEM OF DEMARCATION

E.A. Tyugashev

Novosibirsk national research state university, Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 10.12.2022

Revision submitted: 25.12.2022

■ For citation: Tyugashev E.A. Utopia as a form of Social Consciousness: the Problem of Demarcation. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):11–20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.2>

Abstract. Based on the typological approach, the interpretation of utopia as an independent form of social consciousness is substantiated. In terms of worldview status, utopia is comparable to art, mythology, science, religion and philosophy. In the typology of forms of social consciousness, utopia is identified as an external reflection of law (“legal worldview”).

Keywords: utopia; utopianism; utopian consciousness; social consciousness; legal worldview.

Введение

В философии утвердилось понимание утопии (утопизма) как особого типа сознания, имеющего ряд отличительных характеристик. Наряду с этим высказывается мнение о том, что утопия — это уникальное социокультурное явление европейского модерна, не имеющее аналогов в других культурах. Поскольку феномены утопического сознания в обществах Востока и Запада выделяются и эмпирически фиксируются, то в данной статье будет уделено внимание методологическим основам типологической идентификации утопии.

Тип без типологии

Понимание утопии как типа сознания в методологическом плане проблематично тем, что не приводится типология, в рамках которой утопия выделяется по существенным и сопоставимым признакам как особый тип среди других типов сознания. В итоге утопия оказывается типом без типологии, а насколько существенны ее признаки, остается неясным.

Проблема усугубляется тем, что в социально-философском учении об общественном сознании отсутствует сколько-нибудь устойчивая традиция выделения его типов (в отличие от форм, видов, уровней общественного сознания). Поэтому неясно, с какой типологией сознания следует соотносить утопию хотя бы гипотетически.

Кроме того, в социально-философских представлениях об общественном сознании утопия, как правило, не фиксируется в качестве сколько-нибудь значимого компонента. Так, например, белорусские исследователи Ч.С. Кирвель и О.А. Романов при описании структуры духовной жизни общества утопическое сознание не выделяют [5, с. 122–123], но говоря о постижении будущего, его характеристике посвящают отдельный раздел своего учебного пособия. Примечательно, что утопию они определяют как особую форму духовно-ценностного освоения социальной реальности [5, с. 377], а другие формы освоения этой реальности не упоминают.

На мой взгляд, утопизм как тип мышления необходимо выделять в рамках конкретной типологии мышления. В парадигмальном поле социальной философии это наиболее удобно делать в рамках учения об общественном сознании, разработанном в историческом материализме.

В кругу форм общественного сознания

Итак, при структурировании общественного сознания утопическое сознание не выделяют. Возможно, феномен утопии не настолько эмпирически значим и системно необходим для общества, как искусство, наука или религия. Но, с другой стороны, именно сопоставления утопии с различными формами общественного сознания довольно распространены. Так, Ч.С. Кирвель ранее сравнивал утопию с наукой [4], а С.М. Поздяева и И.В. Фролова — с мифологией, религией, наукой, художественной литературой, футурологией, идеологией, социальной теорией [12, с. 38–65]. Художественная литература относится к художественной деятельности, то есть к искусству. Футурология и социальная теория являются дисциплинарными областями науки. Поскольку искусство,

мифологию, религию и науку традиционно относят к формам общественного сознания, то представляется допустимым включение утопии в качестве особой формы в типологии форм общественного сознания мировоззренческого уровня.

Напомню, что с точки зрения развитого в историческом материализме принципа единства деятельности, общественных отношений и общественно-го сознания необходимо различать формы и виды общественного сознания. Виды общественного сознания выступают внутренней рефлексией видов общественных отношений (например, правовые отношения — правовое сознание, политические отношения — политическое сознание и т. п.). Формы общественного сознания являются внешней рефлексией видов общественных отношений, то есть проекцией этих отношений на мир (религия — внешняя рефлексия нравственных отношений, мифология — семейно-родственных отношений и т. п.). В качестве внешней рефлексии формы общественного сознания имеют мировоззренческий статус. Каждый вид общественного сознания может функционировать в научной, религиозной, художественной и иных формах.

Установка на противопоставление науки и утопии, а также трудности дифференциации утопии от мифологии, религии, фантастики и эзотеризма демонстрируют принадлежность утопии к кругу форм общественного сознания мировоззренческого уровня. Действительно, признается универсальность утопического сознания, его существование во все исторические эпохи и во всех культурах. В утопологии развиваются представления об утопическом миромоделировании (мировоззрении, мироотношении). Отмечается внутренняя сложность утопического сознания, функционирующего на теоретическом, специализированном и массовом уровнях [7]. Признано, что на специализированном уровне утопического сознания на основе фундаментальных эмпирических и теоретических описаний окружающей действительности разрабатываются утопические проекты, апробируемые на практике в утопических экспериментах или реализуемые в общегосударственных масштабах. Таким образом, по своей духовно-практической структуре утопическая деятельность изоморфна художественной, религиозной, научной и другим видам духовной деятельности и внешне мало отличается от них.

Трудности демаркации утопической деятельности

Феномен утопической деятельности в его специфике характеризуется многогранно. Но некоторые эмпирически выделяемые характеристики утопизма, с одной стороны, слишком абстрактны и редко позволяют отличить утопию от других форм общественного сознания, а с другой стороны, являются продуктом недостаточно полной генерализации.

Так, нереализуемость давно перестала рассматриваться в качестве признака утопических идей. Многие утопии, особенно архитектурно-ландшафтные, хотя бы ненадолго реализовались. Поскольку критерий «истинность — ложность» относим к любому знанию как содержанию сознания, то не всякие ложные намерения, идеи и проекты следует квалифицировать как утопические.

Проективность и нормативность также присущи всем формам общественного сознания в рамках реализации их регулятивно-прикладной функции. Перфектибализм необходим в искусстве и эзотерике. Трансцендентность утопического сознания объединяет его с мифологией, религией и эзотерикой. Критическую функцию с успехом выполняет и философия.

Е. Шацкий считал утопистом каждого революционера, которому неизвестно понятие переходного периода [14, с. 37]. Но обстоятельные концепции переходного периода предлагали утописты В. Вейтлинг [1, с. 360–431], Т. Дезами [2, с. 458–476], Э. Кабе [3, с. 98–120].

Не все утопии ориентированы на организацию совершенного, завершившего свое развитие и статичного общества. Например, В. Вейтлинг, видя в прогрессе единственный закон общества, был убежден, что общество будет непрерывно совершенствоваться и человечество никогда не достигнет высшего идеала совершенства [1, с. 226].

Таким образом, внешние сравнения утопии с другими видами духовно-практической деятельности не ведут к фиксации ее специфики. Поскольку утопия возникает из практики, то необходимо установить вид практики, определяющий способ отражения действительности, присущий утопии.

«Антиюридизм» утопий

Идентифицируя утопию как форму общественного сознания, необходимо ответить на вопрос о том, внешней рефлексией какого вида общественных отношений она является. Ранее я предложил рассматривать ее как внешнюю рефлексия правовых отношений [13]. Иначе говоря, утопия есть проекция права на мир, миромоделирование сквозь призму права или правовое миропонимание. Данное соотнесение однозначно решает проблему демаркации утопии среди других форм общественного сознания.

Вместе с тем оно не кажется удовлетворительным по ряду причин.

Во-первых, идентификация форм общественного сознания по генетической связи с конкретным видом общественной практики (например, философии — с политикой) не вполне привычна. Особенно тесные связи такого рода широко признаются (например, религии и нравственности), но существенными не считаются.

Во-вторых, различные описания эмпирически выделяемых содержательных инвариантов утопического сознания (архетипов, констант, топосов, характеристик и т. п.) не указывают непосредственно на правовые отношения как источник средств для репрезентации действительности.

В-третьих, высказывается мнение о принципиальном антиюридизме утопии: «Немногочисленность и лаконичность законов, заметим, — одна из общих черт утопических проектов, начиная с “Утопии” Томаса Мора. Утопическое мышление вообще “антиюридично”. Реальное законодательство с его подробностями, непонятными простому обывателю, как правило, не нравится утопистам. Поэтому в утопических проектах нет места адвокатам и нотариусам» [6, с. 111].

Приведенные суждения взаимосвязаны. «Юридизм» утопий должен быть достаточно наглядно представлен в их содержании даже и в том случае, если

они не содержат элементов правового дискурса. Соответствующий способ миромоделирования должен быть опознаваемым в утопических произведениях на любую тему. Кроме того, маркеры утопизма должны быть выделены так, чтобы регистр утопического мышления можно было выявлять в памятниках любой формы общественного сознания.

Гиперюридизм утопий

Процитированное выше утверждение Н.А. Кравцова об «антиюридизме» утопий следует воспринимать, на наш взгляд, с учетом шкалы авторской оценки. Да, возможно, в каких-либо утопических проектах адвокатов и нотариусов нет. Но в обществе, представленном в романе «Икозамерон, или История Эдуарда и Элизабет, которые провели двадцать пять лет у Мегамикров, аборигенов Протокосма, что внутри Земли, переведенная с английского Жаком Казановой» (1788), есть многоуровневая правовая система, в которой имеются юриспруденция, кодексы законов, адвокаты и судьи, инквизиционный процесс. В утопии Джакомо Казановы правовая система даже усложнена.

Например, в суде присутствуют три адвоката. Суды состоят из нескольких семейных пар судей, которые должны голосовать одинаково. Судьи, оказавшиеся в меньшинстве, штрафуются [6, с. 113]. Таким образом, утопия Казановы, комментируемая Н.А. Кравцовым, наоборот, отличается гиперюридизмом.

Это не удивительно и не случайно. Например, заключительная четвертая часть произведения Морелли «Кодекс природы или истинный дух ее законов» имеет показательное название «Образец законодательства, согласного с намерениями природы» [9]. Т. Дезами посвятил «Кодекс общности» изложению различных отраслей законодательства [2]. А английский утопист Р. Оуэн разработал не только основанную на неизменных законах природы универсальную рациональную конституцию [11, с. 208–267], но и конституцию основанной в 1826 году общины «Новая гармония» [10, с. 276–283]. В. Вейтлинг предложил «Конституцию великого семейного союза человечества» [1, с. 465–484].

Гиперюридизм утопий не удивителен потому, что сам основатель европейской утопической традиции Т. Мор был юристом, активно участвовавшим в судебных процессах. Первая книга его «Утопии» посвящена описанию недостаточной справедливости многочисленных законов, а вторая книга излагает обычаи и законы утопийцев. «У меня нет никакого сомнения в том, что весь мир с легкостью давно бы уже перенял законы утопийского государства...» — заключал свою профессиональную мечту автор [8, с. 277].

Утопия как юридическое мировоззрение

Текст «Утопии» можно было бы интерпретировать как юридическую публицистику с элементами юридической фантастики. Но ее и другие утопии объединяет, на мой взгляд, юридическое мировоззрение, то есть особый способ миромоделирования, сопоставлявшийся Ф. Энгельсом и К. Каутским с теологическим (католическим мировоззрением) [15].

Суть юридического мировоззрения обычно видят в признании права основной общественной жизни. Но мировоззрение все же является взглядом

на мир, а не только на общество. Проекция права на мир формирует особую картину мира, который воспринимается как справедливый и подчиняющийся законам.

Описание мира как подчиненного законности предполагает выделение в нем (в горизонте юридического мировоззрения) и иного по отношению к законам. Таким иным выступает природа. Первые законы установлены природой. Это были естественные законы, действовавшие в естественном состоянии общества. Затем законодатели отклонились от естественного права и создали искусственные законы, паллиативные и изменчивые [9, с. 119].

Противопоставление природы и законов, противопоставление естественных законов и искусственных («протиестественных») законов — устойчивые бинарные оппозиции, характерные для классических утопий Нового времени. Очевидно, что они основываются на идеях естественного права. В утопиях не всегда ясно, в чем различие между законом природы и естественным законом. Позитивное право может отклоняться от законов природы вплоть до того, что действующие институты (государство, собственность, брак) оцениваются утопистами как преступления.

Замысел утопии заключается в том, чтобы принять верховенство природы и привести законодательство общества в соответствие с законодательством природы. Так, Т. Дезами писал: «Конституционные законы, или конституции, являются делом политики; они подвергаются изменениям и носят временный характер. Основные законы, напротив, вечны и неизменны; они возникли раньше любого политического строя и более совершенны, ибо исходят от самой природы. Миссия законодателя состоит только в том, чтобы их изыскать, распознать и затем предать гласности» [2, с. 83].

Соответственно, закон (в том числе закон природы) понимается в утопиях не в научном или философском смысле, а в собственно юридическом смысле — как закон, которому можно не следовать, его можно извращать, обходить, нарушать и даже разрушать до развалин [2, с. 89]. Таким образом, утопическое мировоззрение оказывается вполне юридическим по своему содержанию.

Бинарные оппозиции в утопическом мышлении

Одним из инструментов описания содержания мировоззрений являются бинарные оппозиции идеологем. В мифологии выделяются парные мифологемы «хаос — порядок», «старое — новое», «чистота — скверна» и др. В философии оперируют парными категориями «Инь — Ян», «пространство — время», «необходимость — случайность» и др. Противопоставления законов и природы, естественного и искусственного в утопическом мышлении можно интерпретировать как использование бинарных оппозиций.

Базовые утопемы находятся в рефлексивной взаимосвязи. Так, законы противопоставлены природе, но природа обладает собственными «естественными» законами. Позитивное право может быть «натурализовано», то есть приведено в соответствии с естественным правом. Но и стихии природы получают от общества предписания («повеления») и становятся в утопиях объектом регуляции. Так, например, Утоп отделил каналом от материка будущий остров Утопию.

Расхождение между природой и законом рефлексировано в утопическом мышлении как различие сущего и должного. Это еще одна бинарная оппозиция утопом. Несомненно, она типична для юридического мировоззрения, которое фиксирует разницу между законом и действительностью живого права. Показательное название работы В. Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» [1] демонстрирует важность данной бинарной оппозиции для утопий.

Разрыв сущего и должного является отправным пунктом утопической деятельности. Данный разрыв преодолевается двумя путями — исправлением и воспитанием. Исправляются не только природа и общественный организм. По требованиям сенсимонистов, приводимым Э. Кабе, необходимо «честолобие каждого свести к тому, чтобы не отставать от лучших и исправлять худших» [3, с. 408]. В отношении воспитания В. Вейтлинг писал: «Цель воспитания заключается в том, чтобы направлять обмен способностями и страстями в соответствии с естественными законами природы, пустить их по тому необходимому естественному пути, который поведет человечество ко всеобщему счастью и гармонии, или, другими словами, равное распределение труда и потребления по одним и тем же законам и искоренение и лечение человеческих слабостей и болезней, которые препятствуют этому естественному направлению» [1, с. 242].

Утопемы воспитания и исправления ориентируют на бинарную оппозицию механицизма и органицизма: исправляют механизмы, а воспитывают (так и учил позже Т.Д. Лысенко) организмы. Утописты воспринимали мир и как механизм (машину), и как организм. Например, для Т. Дезами «природа — это абсолютный организм» [2, с. 422]. В то же время мир «можно принять за разумную машину, имеющую свои колеса, свои приводные ремни, свои блоки, свои пружины и свои веса [2, с. 423].

Морелли так описывал функционирование социальной машины: «Все размерено, все взвешено, все предусмотрено в чудесном автомате общества: его колеса, его противовесы, его пружины, его работа. Если видишь в нем противоположность сил, то это лишь колебание без толчков или равновесие без насилия, все в нем влекомо, все стремится к одной общей цели» [9, с. 78]. Неумелые машинисты, как полагал Морелли, разрушают детали механизма и выводят его из состояния равновесия [9, с. 88].

А между тем, как учил Т. Дезами, управляющее всеми вещами совершенное равновесие есть равенство [2, с. 80]. В связи с этим вспоминается юридическая метафора «весов правосудия». Утописты охотно признают разнообразие мира и природное неравенство. Но полагают возможным его учесть в социальном неравенстве или достичь социального равенства. Здесь важно понимать, что равенство утописты интерпретируют как равновесие и сбалансированность, ведущие к величайшей гармонии. Именно так понимаемые неравенство и равенство составляют еще одну бинарную оппозицию утопического мышления.

Практически важная необходимость поддержания различных балансов в экспериментальных утопических сообществах породила сложную проблему сочетания их закрытости и открытости по различным параметрам. Утопическое общество часто описывают как автаркичное, закрытое и изолированное.

Но все проекты идеальных обществ не исключают интенсивных внешних контактов. В научно-философском плане понятно, что абсолютно открытых или закрытых объектов не существует. Поэтому «открытость — закрытость» нам представляется еще одной бинарной оппозицией, маркирующей утопическое сознание.

Заключение

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что утопическое сознание действительно имеет типологическую определенность. Утопия — это не уникальное явление интеллектуальной истории Европы, а форма общественного сознания мировоззренческого уровня. Утопическая деятельность сопоставима с искусством, мифологией, наукой, религией по духовному потенциалу и структурной организации. В этом отношении она не сравнима с правовым сознанием, нравственным сознанием (моралью), эстетическим и экономическим сознанием, которые являются видами, а не формами общественного сознания. Поэтому утопии могут быть экономическими, нравственными, политическими и др.

Содержательно утопическое мышление маркируется использованием типичных для него бинарных оппозиций: «природа — законы», «естественное — искусственное», «равенство — неравенство», «открытое — закрытое». Генезис данных маркеров позволяет идентифицировать утопию как внешнюю рефлексию правовых отношений, моделирующую мир в категориях права. На этом основании утопия может быть интерпретирована как «юридическое мировоззрение».

Список литературы

1. Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. 584 с.
2. Дезами Т. Кодекс общности. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. 546 с.
3. Кабе Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. Часть вторая и третья. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. 518 с.
4. Кирвель Ч.С. Утопия как форма освоения социальной реальности. Ленинград: ЛГУ, 1989. 117 с.
5. Кирвель Ч.С., Романов О.А. Социальная философия: учебное пособие. Минск: Высшая школа, 2011. 495 с.
6. Кравцов Н.А. Утопия в литературном творчестве Казановы. Утопические проекты в истории культуры // Сборник материалов всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научной конференции: «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Т. Мора)». Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2017. С. 110–117.
7. Леонтьев Г.Д. Траектория утопического: от должного к сущему // Социодинамика. 2017. № 4. С. 126–136. DOI: 10.7256/2409-7144.2017.4.22751
8. Мор Т. Утопия. Москва: Наука, 1978. 415 с.
9. Морелли. Кодекс природы / пер. М.Е. Ландау. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. 304 с.
10. Оуэн Р. Избранные сочинения в 2-х томах. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 1950. 416 с.

11. Оуэн Р. Избранные сочинения в 2-х томах. Т. 2. Москва: Изд-во АН СССР, 1950. 355 с.
12. Поздьяева С.М., Фролова И.В. Социальная утопия: тип сознания, идеал и эксперимент. Уфа: Изд-е Башкирского ун-та, 1997. 150 с.
13. Тюгашев Е.А. Формы общественного сознания: опыт системной типологии // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2020. Т. 2, № 2. С. 137–149.
14. Шацкий Е. Утопия и традиция. Москва: Прогресс, 1990. 456 с.
15. Энгельс Ф., Каутский К. Юридический социализм. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. 2-е изд. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 495–516.

References

1. Veitling V. *Garantii garmonii i svobody. Chelovechestvo, kak ono est' i kakim ono dolzhno bylo by byt'*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. 584 p. (In Russ.) (Weitling W. *Garantien der Harmonie und Freiheit*. 1842. (In German))
2. Dezami T. *Kodeks obshchnosti*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956. 546 p. (In Russ.) (Dezamy T. *Code de la communauté*. Paris: Prévost, Rouannet, 1842. (In French))
3. Kabe Eh. *Puteshestvie v Ikariyu. Filosofskii i sotsial'nyi roman. Chast' vtoraya i tret'ya*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948. 518 p. (In Russ.)
4. Kirvel' ChS. *Utopiya kak forma osvoeniya sotsial'noi real'nosti*. Leningrad: LGU, 1989. 117 p. (In Russ.)
5. Kirvel' ChS, Romanov OA. *Sotsial'naya filosofiya: uchebnoe posobie*. Minsk: Vysshaya shkola, 2011. 495 p. (In Russ.)
6. Kravtsov NA. Utopiya v literaturnom tvorchestve Kazanovy. Utopicheskie proekty v istorii kul'tury. Proceedings of the All-Russian (with international participation) cross-disciplinary science conferences: «Utopicheskie proekty v istorii kul'tury (k 500-letiyu «Utopii» T. Mora)». Rostov-on-Don: Izd-vo Fond nauki i obrazovaniya, 2017. P. 110–117. (In Russ.)
7. Leontyev GD. Trajectory of the utopic: from obligatory to essential. *Sociodynamics*. 2017;(4):126–136. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-7144.2017.4.22751
8. Mor T. *Utopiya*. Moscow: Nauka. 1978. 415 p. (In Russ.) (More T. *Utopia*. More, 1516. 359 p.)
9. Morelli. *Kodeks prirody*. Translate by Landau ME. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 304 p. (In Russ.)
10. Ouehn R. *Izbrannye sochineniya v 2-kh tomakh*. Т. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1950. 416 p. (In Russ.)
11. Ouehn R. *Izbrannye sochineniya v 2-kh tomakh*. Т. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1950. 355 p. (In Russ.)
12. Pozdyaeva SM, Frolova IV. *Sotsial'naya utopiya: tip soznaniya, ideal i ehksperiment*. Ufa: Izd-e Bashkirskogo un-ta, 1997. 150 p. (In Russ.)
13. Tyugashev EA. Formy obshchestvennogo soznaniya: opyt sistemnoi tipologii. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2020;2(2):137–149. (In Russ.)
14. Shatskii E. *Utopiya i traditsiya*. Moscow: Progress, 1990. 456 p. (In Russ.)
15. Ehngel's F, Kautskii K. Yuridicheskii sotsializm. Marks K, Ehngel's F. *Sochineniya*. Т. 21. 2-е изд. Moscow: Gospolitizdat, 1957. P. 495–516. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Александрович Тюгашев — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Tyugashev — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia. **E-mail:** filosof10@yandex.ru